

Коми республиканский благотворительный общественный фонд
жертв массовых политических репрессий «Покаяние»

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕСВОБОДЕ

*Материалы Всероссийской научной конференции
(Сыктывкар, 29–31 октября 2007 г.)*

Сыктывкар 2009

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕСВОБОДЕ. Материалы Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар, 2009. – 264 с.

В сборнике публикуются доклады, представленные на Всероссийской научной конференции «Политические репрессии и сопротивление несвободе», состоявшейся в Сыктывкар 29-31 октября 2007 г. Тексты публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия

И.Л.Жеребцов (гл. редактор и составитель), Н.М.Игнатова (отв. секретарь), О.В.Золотарев, Л.А. Максимова, М.Б. Рогачев, М.В. Таскаев.

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров
кандидат исторических наук, доцент Н.И.Сурков

© Авторский коллектив, 2009
© И.Л.Жеребцов, 2009 (сост.)
© Фонд «Покаяние», 2009
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009

От Чухломы до Чухломы. Краеведение как противостояние унификации и несвободе

«Золотое десятилетие» отечественного краеведения замечательно не только появлением значительных фигур неповторимых исследователей, но и небывалой доселе масштабностью движения. Цифры отчетов, документальные источники фиксируют размах, но мотивы, которыми руководствовались участники движения, механизмы их вовлечения уточняются при обращении к *источникам личного происхождения*.

Необычайно богат подобными свидетельствами эпистолярный архив В.И.Смирнова (1882–1941), известного деятеля краеведческого движения в Костроме, он давно привлекает исследователей. Обзор его был опубликован С.Б.Филимоновым [1] еще до передачи писем в Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), где обработка их до сих пор не завершена, они хранятся в составе фонда 191.

С другой стороны, мотивы противников краеведения, чьими усилиями краеведческое движение было задушено на рубеже 1920–1930-х гг., позволяют выявить страницы *следственных дел*, в соответствии с Указом Президента РФ от 24 августа 1991 г. переданных в Центры хранения документации новейшей истории. О гибели Костромского Научного общества рассказывает дело 4323-с [2]. Главным обвиняемым по нему стал тот же В.И.Смирнов.

Василий Иванович Смирнов оказался одним из немногих, прошедших путь от зарождения идеи и создания Костромского научного общества по изучению местного края (КНО) в 1912 г. до его гибели (подлинной, а не формальной) на рубеже 1920 / 30-х гг. Он был одним из четырех членов-учредителей в 1912 г., до 1919 г. занимал место секретаря, после чего к этому добавилась должность директора музея местного края, являвшегося исследовательской базой Общества. В 1921–1929 гг. В.И.Смирнов ежегодно избирался председателем КНОИМК, определяя основное направление его деятельности. Для этого периода существования Общества характерны наличие стратегической программы, системность в разработке всех направлений работы, последовательное создание структур, обеспечивающих реализацию этой программы.

Основные положения программы были обнародованы В.И.Смирновым в речи на 10-летнем юбилее КНОИМК в 1922 г., а позже подробно изложены в показаниях по делу костромских краеведов в 1930 г. Стратегия определялась несколько старомодным для 1920-х гг. сциентизмом В.И.Смирнова («Мое отношение к науке самое возвышенное. Я твердо убежден в силе человеческого разума...») и его верой в возможности местных работников («...мне казалось необходимым спустить научную или по крайней мере собирательскую работу до уезда, потом до волости и, наконец, до села...» – Дело, с. 102).

Этим задачам подчинялась работа созданных усилиями В.И. Смирнова профессиональных образований – станций и лабораторий, на которые ложилась основная работа – исследовательская, собирательская, научно-методическая; они действовали при широкой поддержке непрофессионалов, обеспечивающих сбор и документирование материала.

Одним из важнейших направлений работы В.И.Смирнова как председателя КНОИМК было создание сети уездных и волостных отделений. В первый год его председательства (1921 г.) при Обществе числилось пять филиалов, в последний (1928 г.) – 25. Создание филиалов требовало от председателя больших усилий, иногда направленных на преодоление инертности местных деятелей.

Приходилось подбирать людей, договариваться с местной администрацией, изыскивать средства – и дело налаживалось. Самым важным среди этих условий оказывалось наличие энтузиаста. Если он был, находились и средства, и помещение, и велась исследования. Главным «ресурсом научной работы» оказались люди, способные работать в невероятно трудных условиях почти бесплатно.

Особенно обострились проблемы общества с введением новой экономической политики. «Положение многих членов граничит в настоящий момент с голодом, – отмечал Смирнов в докладе, посвященном десятилетнему юбилею КНО в 1922 г. – Русская наука вообще ходила в рубищах, но провинциальная наука, особенно в последнее время, являет поразительное зрелище нищеты» [3]. Не хватало книг, препаратов, оборудования, приборов. Тем не менее, необходимо было зафиксировать происходящие изменения, сохраняя следы уходящего (как в дворянском, так и в крестьянском быту), и использовать опыт предшествующих поколений для выживания в условиях хозяйственного развала: «...только знание страны может вывести русский народ из создавшегося тяжелого положения» [4].

В условиях, когда «краеведческое дело никому не нужно – ни правительству, которое равнодушно к гибели подобных научно-просветительных учреждений, ни народу – широким массам, которые не умеют еще ценить важности научной работы», оставалось действовать «под знаком бескорыстного увлечения и порыва» [5]. Это было возможно лишь при восприятии общего дела как личного. Работа становилась не только возможностью реализовать творческое начало личности, но и удовольствием, утешением, страстью. В письме

Д.О.Святскому Смирнов писал: «Краеведение – это сумасшествие, опиум для народа, по крайней мере, для некоторой части интеллигенции» [6].

Образ краеведения как отравы, болезни подхватывает скромный учитель из Судиславской волости, А.М.Гаврилов: «Чистосердечно признаюсь Вам, что заразился научной болезнью неизлечимо» (1927, 3 октября). «Зачем заразили этой болезнью?» – с горечью восклицает заведующий галичским музеем местного края П. Царев (1928, 21 января). Это – письма неискушенных, обратившихся к краеведению, как к форме интеллектуального труда, доставляющего радость самореализации, под воздействием В.И.Смирнова – «поэта краеведения».

Интеллигенты «старой закалки», заброшенные судьбой в дальние углы губернии воспринимали краеведение как одну из форм возвращения к интеллектуальному общению, «этой духовно-умственной атмосфере», по словам В.И. Барыкова, «о которой так все проголодались, особенно интеллигенты, обреченные на жизнь в своих «берлогах»... От всей души желаю, чтобы за первым съездом последовал второй, третий и т.д. и чтобы освежающая струя научной критической мысли достигла до наших берлог и захолустий» (27 ноября, б.г.).

Подобное отношение к делу исключало формально-административные методы руководства. В переписке с уездными отделениями КНО Смирнов личную переписку предпочитал официальной. «Дело в том, – пытался объяснить он следователю в декабре 1930 г., – что обычно сжатые, если не сказать сухие, официальные отношения никогда не могут так воздействовать в добровольной краеведческой работе, побудить к ней, как непосредственное письмо, в котором просишь, напр., к сроку сдать отчет» (Дело... с.101).

Именно опытные специалисты стали самой надежной опорой краеведческой работы в уездах. Желание утолить жажду интеллектуальной деятельности, поставить свои знания и навыки работы на службу погибающей культуры соединялись с сознанием того, что если они сейчас не сохранят следы прошлого, наступит катастрофа. Об этом в первую очередь свидетельствует обширная переписка В.И.Смирнова с чухломским краеведом, заведующим музеем местного края, Л.Н. Казариновым (1871–1940). После двадцатилетнего отсутствия на родине он, спасаясь от наступавших германских войск, перед революцией вернулся в Костромскую губернию, в родную уездную Чухлому.

Первые годы революции рождают ощущение катастрофы. Перед его глазами проходят национализация усадеб, закрытие церквей, а потом – разорение деревни, бесконтрольное уничтожение археологических памятников. Усадебные реликвии поступили в «общее» владение. «Я по возможности спасаю старину, но очень трудно стало», – писал Л.Н. Казаринов В.И.Смирнову 16 декабря 1919 г. Из Костромы приходили в уезды охранные грамоты на библиотеки и предметы частных коллекций.

Письма других корреспондентов В.И.Смирнова выявляют спектр мотивов, которыми руководствовались разрушающие. В уездном Кологриве в августе 1918 г. идет национализация. «Член Исполнительного Комитета Калинин (крайне недалекий субъект), ведя работы над разборкой и описанием старинных книг из собр[ания] Ладыженского, сказал, что “было б гораздо проще облить их керосином и сжечь”», – это вариант «темноты и невежества».

«Идея навстречу мысли о приведении музея в порядок и в вид, доступный для общего пользования, владец Н.И. Ладыженский заявил Чумбарову-Лучинскому, что он на свой счет улучшит и приспособит помещения дома для музея [...] Чумбаров ответил, что не оставит коллекций в доме Ладыженского по одному тому, что он в этом случае будет чувствовать себя их хозяином» [7], – это уже вариант классовой ненависти.

Письма, адресованные В.И. Смирнову, позволяют прийти к выводу, что отсутствие или уничтожение музеев приводили к закрытию отделения, а впоследствии – к утрате краеведческой традиции. Эта судьба угрожала и Чухломскому отделению, где невероятными усилиями Л.Н. Казаринова был сохранен музей и отделение: «Относительно Отделения Науч. Общества и говорить не приходится, – писал он В.И.Смирнову 8 октября 1922 г. – Никаких средств и помещения. Я приютил его в музее, и кое-что все-таки делалось. С закрытием музея будет полное прекращение деятельности научного общества». Другие письма Л.Н.Казаринова свидетельствуют об условиях его работы: «Сейчас сижу в музее и зябну. Дров нет... жалованья, конечно, тоже не платят» (1922, 8 октября).

В недатированном письме краевед возвращается к этой теме: «Вообще скверно, что наши труды не оплачиваются, и даже одежду и обувь приходится рвать при исследованиях и экскурсиях безвозмездно. Печально, что и вообще-то публика не подготовлена к уважению старины, ценителей почти нет, большей частью еще не понимают ценности наших работ, даже высмеивают. Я и Черногубов* возбуждали просьбу, чтобы возместили хотя бы порчу одежды и обуви. При рассмотрении в Комиссии Отдела член исполкома приравнял нас к голубятникам. Говорит, что это дело любительское, как, например, есть любители голубей, выводят их, ухаживают, любят, и так же, как это дело любительское, то труд оплате не подлежит».

Несмотря на обиду, краеведы продолжали многокилометровые обходы «экспроприированных» усадеб и церквей в поисках древностей, необходимых, по их убеждению, для будущих поколений. Л.Н.Казаринов,

* Черногубов Алексей Николаевич (1869–1921) – первый директор чухломского музея.

как и В.И.Смирнов, все отпуска посвящал археологическим раскопкам, пеший путь к которым составлял не один десяток километров.

Личностное начало в краеведческом движении не могло не мешать развитию бюрократических методов управления в обществе. Сигналы об изменении официального курса стали поступать в 1927 г. Солигаличский краевед В. Розепин, делавший доклад в ЦКБ, пишет Смирнову из Ленинграда: «Я был свидетелем факта, не сообщить о котором Вам почитаю преступлением. Проф. Пинкевич [...] намеревается доказать, что право на существование в СССР имеет только “советское краеведение”, т.е. исследование сторон края, непосредственно связанных с производством, и резко определяет, вернее, противопоставляет “академическому” краеведению. А в III тезисе даже заявляет, что лица, занимающиеся академ[ическим] краев[едением], суть контрреволюционеры [...] После меня выступил Бутин, представитель] ОблОНО и торжественно заявил, что вся провинция именно будет согласна с Пинкевичем и что через 2 года мы все, выступившие против, подпишемся под этим тезисом обеими руками» [8].

Примечательно, что даже срок был предсказан точно: именно через два года, в конце 1929 – начале 1930 г., на свободе остались только те краеведы, которые «обеими руками» подписались под этим положением. Водораздел между «советским» и «академическим» краеведением совпал с границей между ленинградским и московским отделениями Центрального бюро краеведения, из которых последнее заняло позиции официоза.

На первый план выходят мотивы политического, а не профессионального характера. Это подтверждает и кадровая политика в области краеведения. На руководящие посты в краеведческих учреждениях выдвигаются люди не по принципу профессиональной подготовленности, а по партийной принадлежности. В Костроме В.И.Смирнова на посту заведующего Музеем КНО сменяют члены ВКП(б) Ф.А.Крошкин (политработник со средним образованием), затем Н.А.Воронин (литейщик, за плечами которого были сельская школа и работа «в разных административно-командно-политических должностях в Рабоче-Крестьянской Красной Армии2» [9], которого сменил П.В. Васильев (по анкете – из крестьян, образование низшее, член ВКП(б)) (д. 4323-С, л. 44).

Само по себе привлечение к работе малообразованных людей не противоречило принципам научного общества, как не было новостью и участие в нем коммунистов. Перемены проявились прежде всего в последовательной формализации управления, которая началась с Музея КНО, до этой поры оставшегося базой работы общества – там работали штатные сотрудники этнологической станции, проходили собрания, давались консультации, шла обработка экспедиционных материалов.

Приказами по музею вводится учет времени прихода и ухода сотрудников (что было бессмысленно, так как люди отдавали работе не только служебное, но и все свое свободное время). Одновременно ограничивается вход в музей «посторонних», т.е. нештатных помощников, членов КНО. Кандидатуры новых сотрудников согласовываются с ОГПУ [10], ритм работы подчиняется революционному календарю, каждый праздник теперь необходимо отмечать трудовыми достижениями, для чего форсируются нормальные темпы подготовки экспозиции. Как и в случае с коллекцией Ладыженского, главная задача власти – отчуждение сотрудников от коллекций, отчуждение их от результатов их деятельности и формализация самой деятельности.

В результате следствия, проведенного следователем секретного отдела полномочного представителя ОГПУ по Ивановской промышленной области, 28 февраля 1931 г. по статье 58, п. 10 Уголовного кодекса было осуждено восемь костромских краеведов. В.И.Смирнов, Ф.А.Рязановский, И.П.Пауль и В.В.Васильев были приговорены к ссылке сроком на три года. Е.М.Полянская, Л.С.Китицына, Н.И.Овчинникова и Н.А.Парийская лишены права проживания в ряде областей и округов страны с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. Китицына уехала к мужу, Смирнову, в архангельскую ссылку, благодаря чему удалось сохранить его большой эпистолярный архив. Полянская оказалась в Сталинске (будущем Кузнецке), где занялась историей металлургического комбината. Пауль был сослан в Казахстан, Рязановский – в Коми край.

Сам Л.Н.Казаринов, арестованный в марте 1931 г. [11], отправился в Северный край. Он оказался в районе Котласа, а затем – под Сыктывкарком. «Сидел я себе в Чухломе и думал, что тут и буду сидеть до скончания живота. Не ждал и не гадал, что судьба сыграет со мною такую скверную шутку», – писал он 11 декабря 1931 г. в архангельскую ссылку В.И.Смирнову.

Ссылка трудно далась чухломскому краеведу, которому уже перевалило за 60 лет. Тем не менее, он с увлечением анализирует в письмах местные топонимы, – по его мнению, это след чуди, финно-угорского народа, оттесненных славянами с его родных мест. В письмах января 1932 г. он упоминает о судьбе еще одного члена КНО, Ф.А.Рязановского, который оказался «у зырян», в населенном пункте с названием Чухлома, «которые чтят преподобного Авраамия», основателя монастыря под костромской Чухломой. В «экскурсиях» по окрестностям он повредил ногу, началось воспаление. Большой старик был «комиссован», вернулся на родину, где ему отняли ногу, вторая тоже воспалилась. Он тихо умер 2 января 1940 г.

Многим краоведам ссылка стоила жизни, многие выжившие продолжали и в труднейших условиях заниматься любимым делом – краеведением. Сетую на снижение уровня краеведческих исследований в стране, солигаличский краевед И.В. Шумский писал в письме В.И. Смирнову 27 мая 1936 г.: «Я все же думаю, что в глухих Талдомах и Елатях горит огонь священный. Не может быть, чтобы не велись пристальные наблюдения над окружающими местными людьми явлениями, чтобы не писались – трудно и медленно – дневники и летописи местных событий, чтобы не собирались раритеты, чтобы не в порядке геопоходов, а в ежедневной работе не подвигалось вперед уничтожение белых пятен на карте страны. Оно – живо! Ведь это так, Василий Иванович?». Краеведение, как в условиях первых послереволюционных лет, так и в условиях ссылки помогало людям сохранять свое личностное начало.

Литература и источники

1. Филимонов С.Б. Эпистолярный архив В.И. Смирнова //Археографический ежегодник за 1974 год. – М., 1975.
2. Центр документации новейшей истории Костромской области (далее – ЦДНИКО). Ф. р-3656. Оп. 2. Д. 4323-с (Далее – Дело...) Частично опубликовано: Археографический ежегодник за 1991 год. – М.: Наука, 1994. – С. 125-136; Взгляд в прошлое: Сб. документов (1918–1991 гг.). – Кострома, 2000. – С. 78-83.
3. Отчет КНО за 1922 г. – С. 31.
4. Там же. – С. 32.
5. Отчет КНО за 1922 г. – С. 31, 32.
6. Известия Центрального бюро краеведения, 1927. – № 5; ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо В.И. Смирнова Д.О. Святскому 26 окт. 1926 г.
7. Письмо опубликовано в журнале: Губернский дом. – Кострома, 1995. – № 4. – С. 76.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 191. Письмо В. Розепина И.В. Смирнову от 1 дек. 1927 г. Курсивом выделены подчеркивания автора письма.
9. ГАКО. Ф. р-548. Оп. 1. Д. 10. Л. 41. 54.
10. ГАКО. Ф. р-548. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 6, 11.
11. ЦДНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 133-с.